

Ричард Ди Грэй

автор

Ричард Грэй

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ричард Грэй
Ричард Ди Грэй

«Автор»

2026

Грэй Р.

Ричард Ди Грэй / Р. Грэй — «Автор», 2026

История попаданца, который учится выживать в пугающе чужом мире — не через эпические подвиги, а через бытовые битвы и внутреннюю борьбу. Герой сохраняет черты человека XXI века: он прагматичен, ироничен, не лишён слабостей и неловких порывов, а его попытки логически объяснить абсурд и выстроить план даже в безвыходной ситуации рождают живой, местами самоироничный юмор. В первой книге цикла рождается новый магический мир — с войнами, таинственными заклинаниями и одновременно с самой земной стороной жизни: в тавернах тут вспыхивают пьяные драки, а великие тайны соседствуют с простыми человеческими страстями. Сквозь призму современного, уязвимого и упрямого героя этот мир обретает объём — и становится по-настоящему живым.

© Грэй Р., 2026

© Автор, 2026

Ричард Грэй

Ричард Ди Грэй

Глава 1

Вступление

Опершись о стену в пещере, я спиной провалился в темноту. Не знаю, сколько прошло времени — может, секунда, а может, вечность.

Очнулся в каком-то ущелье. Слева и справа высились скалы разной высоты и размера, а между ними торчали какие-то мелкие деревца. Пахло дымом и пылью. В воздухе слышался знакомый запах... Точно, кровь! Я когда-то был охотником, а этот железный запах ни с чем не спутаешь, так просто не забудешь и не пропьёшь. Альдегид в крови действует на хищников как магнит: по этому запаху находят раненых животных.

«Валить отсюда надо к чёртовой бабушке!» — струсил я про себя.

Ущелье-поляна в ширину было метров сто, не больше, а само ущелье заканчивалось — не знаю где. Туман, густой туман... Я бы сказал, какой-то желтоватый, с преломлением тусклых лучей, словно вязкий кисель, висел плотным полотном. По ощущениям было либо раннее утро, либо закат.

Кругом лежали тела людей и лошадей в немыслимых позах. Из некоторых тел торчали стрелы, копыя... Стрелы, копыя? Чёрт возьми! Где я?.. Наверное, сон. Начитался опять до одури. Во, придурок.

До этого.

Мне 53 года. Всю свою нелепую жизнь прожил на Южном Урале, в Башкирии.

В начале 90-х отслужил на флоте в Севастополе — 30-я дивизия надводных кораблей, ракетный крейсер «Адмирал Головкин». Потом произошёл дележ флота, потом обман с ваучерами. Мы, моряки, просили начальство выдать нам положенные ваучеры. Начальство ответило:

— Там получите, дома.

Вернулись домой... «Там» ваучеров не дали. Сказали:

— Надо было там, на флоте, получать.

«Ну, сука рыжая! Технично, красиво всех нае**л», — завистливо, с каким-то горьким восхищением подумал я.

(От автора: рыжий — один из молодой команды реформаторов Ельцина.)

Ну, тогда я тоже буду... эээ... коммерсантом.

Долго рассусоливать не буду. Короче, я торговал, строил, разводил кроликов (и тех, и этих), даже свиноферму держал. И эдак прошло 25 лет.

Построил здоровенный дом в Башкирии, продал, вскоре купил дом в Крыму и осел... или осёл — как вам нравится, так и пусть. Ремонтировал дом, строил теплицу, читал книги, играл в PlayStation 4, как и все люди моего возраста, уважающие себя. Деньги были, накопления. Ну и я нашёл себе непильную работу, где нужно было ставить печать и подпись.

Я рукастый: отец поднатаскал. До флота занимался единоборствами, да и после службы не забрасывал долго. Отучился в техникуме пищевой промышленности (по настоянию родителей), позже учился в экономическом институте, получил дополнительные образования (курсы) по строительству и многим другим, на мой взгляд, ненужным профессиям.

По молодости был драчун страшный. Имею в виду драчун от слова «драчливый»... не в смысле «дрочливый», а... ну, вы поняли.

Пролетели несколько лет жития в Крыму. Всё настое... О, решил съездить на родину, в Башкирию. Как говорится, «людей посмотреть — себя показать».

Раньше я любил охотиться, рыбачить. Ездили с друзьями с ночёвкой — красота! Лазили по горам, пещерам. Теперь нет друзей. Один умер от рака, второго раздавило в автобусе встречным КамАЗом. А другие... Хм... Другие... Так, те остальные просто друзья-товарищи-собутельники

Ну дык, о чём я? Решил съездить в Бурзянский район, посмотреть Капову пещеру. Всю жизнь хотел туда попасть, посмотреть на скальную живопись древних людей. Всегда было интересно, где они фломастеры брали.)))

В общем, добрался я туда, записался на экскурсию, отстал от гида (потянуло по маленькому, а я не знал, где можно было приткнуться), споткнулся обо что-то и спиной потащился назад... Вот так и провалился хрен знает куда.

Глава 1. Попал.

Хотелось пить. Сильно хотелось. Нос и рот были забиты пылью и какой-то дрянью — на вкус вроде известняка, что ли? Я громко чихнул, раз десять подряд. Глаза невероятно щипало, а после чихов полились слёзы. Напряг горло и каркнул.

— Боже! — подумал. — Я ворона!

Пипец... Да не-е, это не сон, раз в горле першит и саднит. Ну конечно, если это не с похмелья. Может, храпел всю ночь, горло надорвал? Пьянь болотная, — оскорбил я сам себя мысленно.

Решил взглянуть на свои... э-э... крылья тогда, что ли?

— Не-е, — обрадовался я, — это руки! Тощие, грязные руки. Руки паренька, не девчачьи. Хоть и худые, но крепкие. Кашлянул смачно — из горла вылетело облако пыли с какими-то ошмётками непонятной грязи.

Выругался витиевато. Получилось дискантом, с петушиным переливом... Прокашлялся на всякий случай.

— Пипец! Наконец-то я сказал нормальным голосом. Ну, как нормальным... Не моим.

Стоял я на карачках — до этого лежал лицом в густой серой пыли.

— Мдяя, — протянул тоскливо.

Голос ломался, значит, мне лет четырнадцать-пятнадцать... наверное.

На всякий случай заглянул в штаны (мало ли).

— Я пацан! — прокукарекал я. Видно, пыль в горле ещё финты с голосом выделяет.

Штаны на мне были простые, коричневые... типа лён, наверное, или что-то вроде. Короче, трияпочные. Подвязаны ухоженным чёрным ремешком — потёртым, но с вставками по всему поясу: сантиметров по десять расстояние между ними.

— Серебряные! — догадался я и утвердительно качнул своей немытой башкой. Вставки ромбические, гранёные, размах по кончикам где-то полтора сантиметра каждая. На ромбиках какой-то герб — типа вьющегося цветка.

Рубаха серая, с небольшим стоячим воротником. На груди посередине разрез, но выше пупа, и стянут тремя тесёмками... голубыми. (Что за безвкусица!) На левой стороне груди той же нитью вышита какая-то вязь. Рубаха тоже подпоясана ремешком, но без вставок, на выпуск — выше колен, ниже пятой точки.

На поясе, поверх рубашки, висел в ножнах недешевый кинжал: украшен синим камнем на навершии (смахивает на сапфир, но фиг знает), рукоять обтянута чёрной кожей. Гарда прямая, серебряная. (Память охотника с прошлого тела заискивающе подкидывала инфу.)

Ножны отделаны серебряными элементами — тот же герб. Потянул кинжал из ножен. Хм, ничего себе железака: лезвие сантиметров тридцать, рука в эфесе лежит по-домашнему (под мою тушку делали?), по лезвию змеится тот же цветок.

Провёл рукой по голове... шишка, слабо кровит. На голове... на голове нет ничего. Кроме коротких жёстких волос.

«Нет ничего», — я имею в виду, ни шляпы, ни железного ведра... то есть никакого шлема.

Ноги. Серые полусапожки из кожи. Нет, не серые — коричневые, но видно, что качественные. Пыль, серая пыль... Присел, разглядывая обувь.

— Да-а, — проямлил я. — Ноги-то мёрзнут.

Сделал шаг. Так-то удобные. А то, что замёрз, так лежал, наверное, неудобно — кровь плохо поступала, затёк...

— Твою дивизию... — снова выругался.

Пить. Надо попить... и жрать хочу.

Начало смеркаться довольно быстро, холодать. Зубы устроили пляску, какой-то танец с саблями... Мда-а...

Рядом лежал труп (тело было человечесь), одетый в кожаный прикид с нашитыми металлическими блинами-кругляшками и полосами...

— Металлист настоящий, из 90-х, — резюмировал я.

Возле тела лежал круглый шлем с полоской, закрывающей нос, — догадался я. Из-под мертвеца выглядывало горлышко бурдюка. Не до брезгливости. Подошёл, чуток приподнял его плечо и выдернул сосуд...

— Бля, дырявый!

Сплюнул гадостью изо рта, огляделся. Чуть дальше лежал то ли конь, то ли конь женского рода — с седлом. В груди торчало древко, типа маленького копья. Конь молчал.

— Мёртвый, — догадался я.

К седлу было приторочено одеяло, две сумы перекинута через круп. Пошарил я в сумке — и о, бинго! — бурдюк. Зубами открыл деревянную пробку, выплюнул её и жадно начал пить. Пил эту жидкость и хмелел.

— Это типа пиво, что ли? — Густое пойло с горчинкой. Отыскал пробку, заткнул.

Радостно рыгнув, продолжил мародёрствовать.

Быстро прошмонав обе перемётные сумы, обнаружил: завёрнутый в тряпицу кусок вяленого мяса — ну, грамм примерно полкило, лепёшку (типа нашего лаваша) и кругляшок... шарик...

Опасливо обнюхал его, лизнул на всякий случай.

— Лук! Местный, — жизнерадостно констатировал я.

По ходу мародёрствования я рвал зубами жёсткое мясо и глотал его не разжёвывая, запиная густым пивом. В животе подозрительно заурчало, стало давить на клапан... Мдя-а, не обоссаться бы.

Тут же, в маленьком мешочке, нашёл я три вещи: камень, типа мох (что за дурак мох таскает с собой?) и железку — плоскую железяку.

А-а-а, догадался я, это огниво. Свезло.

Быстро всё накидал обратно в сумку, потянул с коня их.

Сумки были соединены между собой широкой полосой кожи (ну, понятно: это чтоб перемётные сумы с жопы животного не падали). Повесил себе на левое плечо.

Оглянулся, осмотрел вокруг землю — и увидел здоровый медный поднос.

— Да, — согласился я, — тут ему самое место.

Я не задумывался, откуда здесь поднос, — мало ли, может, вообще это медное зеркало. Читал где-то, что зеркала были за счастье в такие века. Может, возят воины с собой бриться? Оглянулся я на лежащего...

— Не-е, — мотнул я головой. Морда была небрита... у коня тоже.

— Поднос это!

Снял сумы с плеча.

Протёр рукавом спину подноса — он не засверкал.

Туман и темнота с ужасающей скоростью надвигались, ещё и холод, этот проклятый холод. Нашёл обломок копья, сунул его в сумку и тихонько потрусил вправо, в сторону небольшой скалы. Где-то посредине я заметил выемку, углубление — ну, если хотите, полупещерку.

(ИИ парня не того нарисовал.)

Немного посветлело. Глянул вверх, увидел свинцовые тучи, трусливо убегающие за скалы, и вылезшую на небосвод местную луну. Луна как луна, только не как наша: нет на ней нарисованной мордашки, больше похожа на серый мячик для гольфа.

— Млять! Одеяло!

Резво развернулся и галопом поскакал к знакомому коню, рывком выдернул рулон — ремни треснули и уступили моему напору. Ввалил на то же плечо, где и сумки, и рванул к отмеченной скале.

Позади протяжно услышал многоголосное «Ууууу».

От неожиданности я тихонько пукнул. Это почему-то придало мне храбрости, и я стал карабкаться на скалу. Скала была немного пологой, правда, перед самой пещеркой пришлось изобразить альпиниста.

Сначала закинул в проём поочерёдно одеяло, поднос и сумки. Пещера была не более двух метров в глубину и метра трёх в длину (как бы ночью не вывалиться наружу). Какие-то булыжники валялись тут и там — из них выложил подобие ограждения у наружной стороны. Ну, чтоб было на всякий случай, мало ли что.

Под голову — сумки, одеяло на каменистый пол, улёгся, другим концом накрылся... и затаился.

— Како на хрен спать? Кругом враги... наверное.

Кругом выло, чавкало, шипело. Пир у них. Вон сколь мяса халявного.

Со временем устал бояться — и я храбро ушёл в гости к Морфею.

Конец первой главы.

Глава 2. Утро.

Утро встретило меня неласково. Коварный луч от местного светила ударил мне в левый глаз, потом пошёл поганенький, мерзопакостный дождик — слепой дождь, как у нас на родине называли.

С подвыванием я вытащил из-под правой лопатки острый серый булыжник, впившийся в мою многотрадальную тушку. Я, как волк из «Ну, погоди!», швырнул его вниз, в ущелье, и вдогонку пригрозил кулаком. Каменюка гулко ударился о твёрдую землю, вспугнув какую-то птицу, похожую на пёстрого шута с бубенчиками на шляпе. Там и правда я заметил бубенцы, только без шапки.

— Дааа, — квакнул я по-жабьи (блин, во рту что-то липкое, мешает квакать... тьфу, говорить), сплюнул. Вывалился какой-то слизняк (это животное из моего рта пещеру организовало, мерзость).

Потянулся за бурдюком, потрянул:

— Есть ещё порох в пороховницах и ягоды в ягодицах, — сострил я (зачем-то вспомнил Тараса Бульбу, правда, ягод там вроде не было).

Прополоскав рот, глотнул раз, и ещё раз, и ещё... Хорош, вдруг не найду больше, а бухло-то нормальное.

Пошарил рукой справа, с угла моей временной квартиры, вытянул поднос. Ещё раз тёр его, но уже краем шерстяного одеяла. Заблестел тазик — улыбнулся я. Поставил поднос возле входа пещеры наискосок, чтоб луч света ударился о медь и полоснул меня по новому лицу.

— Хочу знать, с кем я буду иметь дело, — глядя в медь.

Вдруг не понравлюсь, тогда... О как!

На меня смотрело пареньковское лицо, довольно симпатичное. Короткие стриженные русые волосы, лицо чем-то напоминает Леонардо Ди Каприо в юношестве, но плечи шире, и взгляд пронзительно устремлённый, немного смущённый, но из-под лба чуть угроза мелькает... Эх. На вид я выгляжу на семнадцать лет! Но! Глаза синие, как небо.

— Бляя, в кой-то веке проживу жизнь новую, без дурацких двух родинок на щеке!

В общем, я влюбился в поднос. Много времени спустя, то есть сразу, решил, что надо осмотреть себя с разных ракурсов, чтобы в разных ситуациях я знал, как выгляжу. Закрепил поднос на стене пещеры между двух выпуклостей, встал... Не-е-е, я встал и глянул в поднос.

— Нуу... — промямлил, — сидя выглядел круче.

Рост — рубль семьдесят где-то, метр семьдесят. Вес... Эээ, ладно, 70 тоже. Ясно. Делом пора заниматься — и выкинул поднос в окно. Через «окно» дуло — конечно, на всю стену.

Снял с пояса кинжал с ножами (вдруг сломаю), сунул в мешок, достал огрызок копья и тихонько стал сползать из своего укрытия. Нашупав левой ногой приличную опору, отпустил руки и мягко приземлился — лететь было не очень далеко, сантиметров двадцать. Пригнулся (тело молодое, гибкое, послушное), растопырив руки, правую руку с огрызком выставил угрожающе чуть вперёд.

Медленно (раскорячив задние ноги) стал двигаться к трупам. Сбоку, наверное, я был похож на беременную бабу или недошедшего до туалета.

Перед небольшой акацией (так я обозвал про себя колючий кустарник) присел. Местное рыжее светило озарило поле боя редкими скудными лучами. Взору предстала картина...

За ночь невиданные звери (не знаю вообще, кто они и кто меня вчера напугал своим дурацким «Ууууу») растерзали тела.

— Ё-моё!

Недалеко от меня лежало шесть воинов. Вечера вечером я не заметил, что из-под крупа лошади торчало тело солдата, голова была под...

(Представьте что голова коня лежит))

— Раздавлено, — резюмировал я.

Солдат тоже был одет в чёрную потёртую кожу, но без защитных блях. Рядом валялся небольшой меч — хороший или плохой, я не разбираюсь, — взял. Щит. Щит я поднял, после долгих манипуляций присобачил его себе за спину.

Присел, его же мечом срезал с трупа (всадника без головы) кошель, флягу небольшую деревянную. Литровую вроде. Подумалось почему-то: как же солдат бился с флягой на боку? Она же мешает, бьёт по ноге?

Покрутился кругом (ножик бы найти). Чуть дальше куст у тропинки слева — ноги торчат, подошёл. Точно ноги. Потянул, вытащил ноги по пояс, остального нет, но в ноге торчал нож!

— Во дурень! — удивился я. — Разве так нож носят?

Пустые ножны для кинжала не стал в пыли искать, так что нож сунул за пояс.

И тут я разглядел остальные трупы возле меня... Разорванные животы (как будто оборотень какой драл).

Объедены носы, частично пальцы, у всех рот без губ. И всё это жутко воняло.

— Бляяя... И биться сердце перестало...

Меня знатно вырвало на ближайший труп. Из носа пошёл фонтан с кусочками вчерашнего вяленого мяса.

Тут придавило мой задний клапан. Я рывком сорвал с себя ремешок, спустил штаны и прокашлялся задним местом.

От моего действия всполошилась стая ворон, отлетев подальше, обляяв меня своим карканьем.

Вздрогнул, почувствовав на себе взгляд. Совсем рядом сидел здоровенный ворон на лбу моего вчерашнего «знакомца» (который меня «угостил» бурдюком пива). Птица размером чуть меньше собаки меланхолично разглядывала меня. Чёрный как смоль.

— Красивый, зараза, — подумал я.

— Сам ты зараза! — подумалось мне, будто ответил мне ворон.

Сложив крылья за спину, эта птица деловито клюнула в глазницу воину, потянув за какую-то жилку, и неприятным хлопом вытащила глазное яблоко. Важно подкинув его вверх, поймала и проглотила. Глянув на меня правым красным глазом (типа «А ты так можешь?»), смачно каркнула и взмыла в небо, блеснув иссиня-чёрным крылом в свете светила, и, важно свалив за скалу, исчезла.

— Сволочь! — зло выругался я. — Всяко полетел всем рассказывать, что я тут по трупам шарю и мешаю пировать. (Ну мало ли? А вдруг?)

Всё-таки мир не мой, непонятный, и как тут и зачем — не знаю. Сваливать надо.

Прошёл чуть дальше, нашёл ещё кинжал, снял с трупа ножны, опоясался. Тут же поднял узкий короткий меч, засунул за пояс. Нечаянно пнул железный мяч, отбил большой палец.

— Ах ты ж, сука!

Мяч оказался головой в круглом шлеме, больше похожим на глубокую тарелку. Голова весело подпрыгнула два раза, шлем слетел, и... о-о-о! Это мне нужно.

Подошёл и стянул с головы подшлемник, утеплённый. Забрезговав (вдруг хозяин бошку не мыл?), вывернул его наизнанку и напялил на себя. Наверное, я сейчас похож на бомжа. Это меня рассмешило. Мир чужой, всё пригодится, а трупам ничего уже не надо.

Стал обходить тело за телом. Из шестнадцати воинов двенадцать были обычными вояками (это по одежке и по снаряжению видно): одинаковые мечи с простыми деревянными ручками, копья, у четверых — луки. Все бойцы были одеты примерно одинаково: чёрные кожаные доспехи, прошитые металлическими нашивками, серые плащи с голубыми гербами.

Остальные четверо одеты побогаче. Под плащами, тоже серыми (но гербы были окантованы серебряной, не тонкой нитью), — пластинчатые доспехи, из-под них проглядывают кольчуги. Шлемы у всех разные, но перья голубые у всех. Шлемы были у двоих с забралом, у других — открытые. На руках заметил перчатки-краги, почти до локтей, тоже серые... серо-кожаные.

Я снова и тщательней осмотрел этих четырёх любителей голубых перьев. Один, по ходу, старший, отличался. У всех на плащах одинаковый герб, но у главного был прошит серебряными нитями не только по краям герба-цветка, но и серебро присутствовало в каждом изгибе... э-э-э... светло-синей вязи. На доспехе были красивые насечки серебром и пояс. ПОЯС! Был как у меня, только шире и богаче.

— Я наконец-то вкурил — это мой местный батя!

— Значит, я сын небогатого дворянина, скорее всего рыцаря, — у него герб на щите, плаще и везде... Правда, я под рубаху не заглядывал.

Наколки не рассматривал. Видно, ехал с ними куда-то.

Размышлял я и заодно обирал тела на предмет кошелёй. Охлопав своего «батю», вытащил кошель — странно, кошель обычный, но тяжеленький, — сунул сразу в сумку. Рядом ни меча, ни кинжала. Наверное, победители с коммуниздили, а кошель не взяли или торопились.

Оруженосцев грабанул быстрее — тощие кошельки и ничего интересного. Оружия толкового нет, всё забрали. Забрав награбленное, распихал по сумкам, взгромоздил себе на плечо.

Посмотрев на поле брани, пересчитал трупы (шестнадцать штук насчитал). Тут и сям валялись вымпелы, баннер — и всё одного цвета... голубого!

— Ёж твой ляж! — протянул я. Достал уже этот светло-синий цвет.

На мне такие же цвета, такая же вязь на вымпелах — какого-то закрученного голубого растения с большой башкой-цветком и торчащим из бутона алым жалом посередине. Этот цветок на фоне серебряного ромба. Как и на моём пояском ремешке и кинжале.

— Я из их клана или рода, это уже точно.

Мне стало грустно: вдруг это последние мои сородичи и больше никого не осталось... Как я в этом мире буду один? Без поддержки. Хотелось завить белугой от горя, но вовремя вспомнил, что ни хрена их не знал и скулить будет наигранно. И вообще, этот «батя» мне не родня! Его сын умер наверняка во время боя с неизвестными, иначе бы я не появился в ущелье.

Рано или поздно мне придётся разгадать этот кроссворд, так как я теперь, надеюсь, единственный наследник. Если он «меня» тащил через это страшное ущелье, значит, была опасность моей жизни! Разобраться мне стоит — всё-таки на кону мой титул, а без него трудно будет в этом мире, — договорился я сам с собой и остался доволен.

— А где же трупы противников? — задался вопросом. — Ну не может же быть, что продули в ноль! Скорее всего, противник забрал свои «потери» с собой.

Заметил странность: в основном побиты люди камнями, раздавлены, и всего лишь пятеро убиты стрелами и дротиками (думал, это копья, но это оказались большие дротики). Странно всё это.

— Швыряться камнями и здоровенными дротиками могут только очень, очень здоровые люди или... ИЛИ? — медленно проговорил я, и мне захотелось проснуться.

Я боялся подумать и представить, кто эти «ИЛИ»: орки? огры? великаны? Я задумался, крепко задумался...

Вдруг звонко треснула ветка. Пукнул. Я тут же спрятался за здоровенный валун, лежащий у толстого дерева.

— Ну ты и дебил! — шёпотом облаял себя, боясь выглянуть.

Немного побоялся и шёпотом вылез из укрытия. Повертев головой (куда идти?), решил, что за спиной страшнее — там больше трупов, — и двинул прямо вдаль ущелья, в обратную сторону от зловещего тумана и от вчерашнего «Уууу».

Конец 2-й главы.

Глава 3. Дорога.

Утром был холод собачий, а сейчас начало печь голову. Подшлемник-то я снял уже давно, минут десять назад. Было не страшно. Наверное, устал бояться, да и погода шепчет: «Налей и выпей».

Выпить было нечего — всё давно допил. Осталась только деревянная фляжка, а в ней, по запаху, какое-то зелье — может, лечебное. На нюх пахнет омерзительно. Я не выкинул её, а, как тот хомяк, всё ташу к себе.

Прошёл, на вскидку, километров десять по-нашему. Ущелье стало медленно заводить вправо и с понижением, так что идти стало легче. Птицы распелись, как на гулянке. Хорошие птицы, не злые каркуши.

Скалы потихоньку понижались, и стали появляться высокие, широкие холмы. Деревья удлиннились. Широкие причудливые листья свисали лапами, накладываясь друг на друга, —

создавалась тень под ними. Да и для туалета неплохо. Одна беда: они не зелёные, а кричаще медного цвета.

Земля, по которой я топал, поменяла цвет, напилась красным оттенком. Небо под стать. Какое-то не русское. Не домашнее. Свинцово-розовое, с бешеными облаками, которые носятся без правил техники безопасности. Не поймёшь это местное небо: будет то ли дождь, то ли понос.

— Ну наконец-то! — пролаял я трескучим, обезвоженным горлом.

Впереди, правее, вдоль холмов и мелких скал, бодро журчал ручей. Скинув с плеча ненавистную ношу, стянул из-под ремня дурацкий меч. То ли эфесом, то ли гардой натёр себе пузо до волдырей. Закинул его в кусты — не пузо, меч!

Скинул через голову рубаху — и опля! — на моей груди висел тощий кошель, а я и не чувствовал его. Кошель был небольшой, из мягкой кожи, стриженным мехом наружу, то есть замши. Коричневый, мягкий замш. По обе стороны вышит серебряными нитями ромб; в центре знака — голубыми нитями — уже знакомый мне выющийся цветок.

Внутри кошель обнаружил пять небольших серебряных монеток, размером эдак с наши два рубля. Ещё выудил какую-то трубочку — оказался небольшой свиток длиной сантиметров восемь, туго перетянут толстой серебряной нитью. Развернул: мелкие значки-каракули, похожие на руны, а справа, на весь размер (восемь сантиметров в диаметре), стояла выпуклая голубая печать.

Я с пониманием хмыкнул и протянул:

— Да-а-а, точно дворянчик, но мелкий. Кошель пустой, одёжка чуть лучше, чем у простолюдина.

— Ну ладно, и то хлеб! — успокоился я.

Снял штаны (через ноги) — трусов, оказывается, не было. Залез в ручей по щиколотку и стал, как утка, барахтаться и кричать от удовольствия. Весь свой шмот замочил в воде, тут же «намылил» его красной глиной, сполоснул и развесил на ветке дерева, чем-то похожего на сосну, но с коричневыми иглами. Не знаю, насколько это поможет, но всё равно никто не видит.

Измазался, как папуас, сверху донизу этой красноватой субстанцией, потёрся тряпицей, в которую были завёрнуты припасы, смыл и растянулся на одеялке. Рыжий шарик вошёл в зенит, пекло увеличилось, так что натянул на себя ещё влажные шмотки и сел обедать.

Лук оказался хоть и жгучим, но сладким, как яблоко. Доел я мясо, оставил пол лепёшки про запас. Завернул в постиранную тряпицу-мочалку. Потом подумал, пошёл в кусты, отыскал меч. Решил помахать им: махнул раз — меня потащило за мечом, чуть не растянулся. Да-а уж, для моих ручюнок тяжеловат.

Я решил жару переждать в тени под деревом и возле ручья. К вечеру, полагаю, и до темноты буду искать шкуру. А пока займусь добычей пищи. Память моего нового, молодого тела мелкими дозами давала информацию. Правда, какая от неё помощь — лет-то сколько.

Короче, вломился я в лес, как лось почтовый. Новое тело хоть и гибкое, но не привыкшее ходить в лесу. Заяц прыснул из-под ноги — похоже, я ему на уши наступил. А что толку? Чем его стрелять?

Вышел в ложбинку между небольших холмов. Грибы.

— Эй, память!!! Их можно жрать? — Молчок.

Алиса AI:

Вот твой текст — с абзацами, запятыми и чуть сглаженными шероховатостями. Ритм остался твой: торопливый, сбивчивый, как будто Ричард всё это бормочет себе под нос, пока раскладывает добычу.

Стал собирать грибы в подшлемник — не зря же тащил его. Вернулся в свой «лагерь». Мой опыт охотника помог мне быстро собрать нужные палки, сучья и прочий сушняк. Мечом настрогал стружку, рядом, в виде гнезда, расположил мох и стал усердно добывать огонь.

Колотил камнем по железке, потом — наоборот. Вспотел, от старания аж высунул кончик языка — и о! Нашёл правильный угол железяки, и искры красным дождём плюнули в мох. Мох жалобно задымился. Я надул щёки и стал медленной струйкой обеспечивать приток кислорода.

Вспыхнул! Трясущимися от усталости руками я бережно схватил горящее гнездо и, подвывая от обжигающего огня, кинул на сухую щепу с мхом.

— Да ж твою дивизию! — взвыл я. — Обжётся, бля-а-а!

Огонёк перестал выживаться и обнял щепки; огонь весело затрещал. Подкинул палок, насадил на заранее вымоченные в воде прутья грибы и сел в ожидании чуда. Не стал угли ждать.

Первый гриб сожрал — и тормознул: вдруг что-то нехорошее будет? На всякий случай надрал широких листьев с деревьев, положил рядом и стал прислушиваться к животу. Минут через двадцать я съел все грибы с шести прутьев (без соли есть не очень).

Напился от души из ручья, наполнил бурдюк водой. Вылил из фляжки странную гадость, промыл и тоже наполнил. Итого у меня в дорогу получилось около трёх литров воды.

Грибов было ещё довольно-таки много: я ведь, кроме подшлемника, надрал грибов в подол своей рубахи. Насадил на длиннюю ветку и подвесил сушиться повыше над костром. Так, с припасами пока норм.

Надо сделать ревизию в сумках и кошеле — я ведь так и не разобрал их, только шарил в них рукой. Первым делом высыпал из обеих сумок всё на траву. Что интересно, листья деревьев с медным отливом, а трава — зелёная.

Я рассудил так: корни деревьев из глубины чем-то питаются. Или это магия?! Пока не знаю, есть ли она тут. Возможно, деревья насыщаются залежами меди или железа каким-то образом, — подумал я. — О как! — восхитился я своей догадливостью, даже возгордился.

В сумках было: пол лепёшки, бурдюк и фляжка с водой (потом добавлю сушёные грибы), обломок копья — я его сразу поднял и выкинул в заросли: «Не фиг тяжесть таскать!» Далее — какой-то маленький мешочек. Развязал, нюхнул, достал щепотку белой кристаллической фигни, лизнул.

— Соль, бля! — заорал я. — А я грибы жрал пресные! Долбоящер!

Испуганные птицы шарахнули в сторону с дерева, под которым сидел.

Ещё там был набор огнива, тряпка. Хех! Яблоко. Штук десять наконечников для стрел, тонкая бечёвка, моток ниток и игла — всё моё богатство. Яблоко я съел сразу.

Достал свой кошель, батин и три оставшиеся. У простых воинов кошелю не срезал: тела были размозжены камнями, и мне противно было ковыряться. Я заметил, что «главных» пристрелили, закидали копьями или взяли на щит, а бойцов подавили камнями.

Выгрузив содержимое всех кошелю на травку, стал раскладывать монеты по цене металла и номиналу. Память нового тела услужливо подсказала цену монетам.

И так: всего на этом материке, который называется Астания, в ходу две золотые и две серебряные монеты разного номинала. Большие монеты — золотой «Дракон» (15 грамм) и серебряный «Олень» (15 грамм). Почему-то память паренька мне переводит на меру весов, принятых на Земле.

В одном «Драконе» — 10 золотников по 1,5 грамма, в «Олене» — 10 серебряшек по 1,5 грамма. В одной серебряшке — 10 тин (красная медь). Красная медь здесь очень ценится — её меньше, чем жёлтой. Из красной меди делают магические амулеты, кольца и прочее, что пользуется большим спросом у людей и нелюдей, не имеющих магического дара.

Память подсказывает, что эти штуки из красной меди заряжаются до третьего уровня. Всего уровней для зарядов — 12.

— Опа! — допёрло до меня. — Магия есть в этом мире! А нелюди — кто? Гномы всякие? Или вурдалаки?.. Ладно, разберёмся.

Так вот, раз красная медь в дефиците, используют также жёлтую медь как монету. Обычно один тин красный равен двум тинам жёлтых, но бывает и до трёх-четырёх доходит. Это происходит, когда начинаются боевые действия и идёт большой расход красной меди на атакующие и защитные заклинания.

Кстати, для заклинаний больше подходят круглые предметы, так как заключённая магия в монете долго держится из-за округлости: магия движется по кругу, ищет выход. Если зарядить медный треугольник, через три месяца он рассыплется — по окончании действия заклятия предмет рассыпается. В монете же заклинание будет «сидеть» до года.

Серебряные и золотые заготовки «держат» по несколько лет и заряжаются неоднократно. Жёлтая медь не годится для магии. Серебро, золото, драгоценные и полудрагоценные камни — для магии высокого порядка. Но из них делают кольца, амулеты, браслеты, кулоны не очень много: магическое население не больше пяти процентов, да и заготовки стоят баснословных денег.

Красной медью пользуются в больших количествах армия, стража, гильдии (из простолюдинов) и зажиточные жители.

Стал подсчитывать свои монетки. Драконов, Оленей не было. Сука.

22 серебряшки — это 2 Оленя и 2 серебряшки. Красных тин — 43, это 4 серебряшки и 3 кр. тина. Жёлтых тин — 91, это 3–4 серебряшки. Итого: 2 Оленя и 9–10 серебряшек.

— Неплохо! Совсем неплохо! — аж хрюкнул от радости.

Пора собираться в дорогу, труба зовёт. А вдруг этот туман появится? От него мурашки по коже, да и «У-у-у»... На хрен бы его.

Распределил богатство по кошелькам. Жёлтые тины — в одну из сумок, серебро — в кошель и на грудь, красненькие засунул в подшлемник (благо была игла и нить). Привязал

щит к спине, прицепил ненавистный меч к поясу. Вру, просто засунул за пояс — под рубаху приткнул найденную тряпку, чтоб не натирал.

Наметил себе цель: выйти из ущелья, найти местную цивилизацию, обзавестись картой (благо есть деньги, лишь бы их хватило) и сориентироваться, что дальше предпринять. Главное пока — выжить!

Взвалил ношу на плечо и резво зашагал.

Конец 3-й главы.

Глава 4. Встреча.

Отдохнул хорошо, поел тоже норм — можно и скорость прибавить. Прошёл, наверное, километров шесть. Ручей разросся в полноводную речку: она петляла вдоль холмов меж деревьев.

Шёл по ущелью, речку только слышал, не видел — деревья густо закрывали обзор. Вдруг вместе с шумом реки слышу рёв какого-то зверя и человеческую речь — слова не расслышал. Даже не речь, а крики.

Скинул свой скарб, вытащил из сумки свой крутой кинжал в ножнах, прицепил на левый бок поверх рубахи. Снял со спины щит, достал меч. Подумал, лёг.

— А оно мне это надо? — молча спросил себя.

— Да, надо. Пройти-то как-то надо. Чёрт, пройти-то никак, нигде — только назад. Тут сузилось к реке.

Прожил пятьдесят три года, никого не обосрался. Ну да, страшно чуть. Да не чуть! Один, хрен знает где. Ещё бесит меня это нутро, в которое вселился. Постоянно тормозит меня. Ссыкло. Досталось мне тело с памятью труса.

— Эй, пацан! — шёпотом крикнул я в себя. — Была не была, короче. Дожился, базарю сам с собой. Сейчас подползу и гляну, чё почём, хоккей с мячом. Если что — скину весь шмот с себя и лomanусь в реку.

Короче, полежал, пополз на шум, прячась за бугры, валежник и деревья. Я чуть выше оказался. Влез в кустарник, чуть прополз — и меня потянуло вниз. На пузе проехал пару метров, дальше прополз к гнилому стволу, лежащему вдоль реки.

— Обзор не тот, — тихо матюкнулся в кулак.

Блин, дождик моросил. Может, и к лучшему, только всё шмотье изгажу. Тучи припёрлись. Что с небом?

«Не наше», — подумалось мне.

— Фиг! Теперь наше.

Перед речкой, почти до воды, растёт валежник, плотный. Проползти никак. Ещё тело протаскил на метр, раздвинул кусты.

Река с изгибом круто забирает влево. С той стороны водоёма — сплошные лесные горы, невысокие. Сразу с гор идёт покатость к реке и сразу обрамляет её, типа местного камыша.

С моей стороны, после валежника к речке: на изгибе река вальяжная, спокойная — пере-
кат. По ходу, и зверь сюда любой ходок за рыбой. Да и образуется поляна во внутреннем изгибе
реки, и там, возле кромки...

Сука, вот он! Стоит медведь. Не медведь — зверь, похожий на медведя. Рядом какие-то
люди, что-то блестит, как бронза?

(Не смейтесь, я не виноват, должен был получиться страшнее)

Я ещё подполз (сранный щит бьётся об левое колено).

— Тут даже не ружьё надо, — пожаловался я не знаю кому, — гранатомётом не убьёшь.

Зверюга, на вскидку, метра три с половиной. Рожа, или морда, волчья и удлинённая. Шерсть серо-рыжая, но на голове чёрная, от шеи до пупа — белая. Клыки из пасти, как у тигра-саблезуба. Пена розовая падает из пасти хлопьями. На вскидку это «чучело» весит килограммов пятьсот–шестьсот.

— Млять, очково. До твари метров тридцать.

— Мля, тихо. Ещё чуть... Стоп. Залёг.

— Эх, шас бы снайперку. Хм... Или ну его на хрен, а? Тут или вперёд, или обратно в жёлтый туман.

Мдяя... Слева от зверюги лежал ничком человек. Его правая рука была повёрнута ко мне.

— Нихрена себе ладонь! — удивился я. — В эту ладонь поместится боулинговый шар!

У меня начала складываться картинка. Пока дальше.

Этот... (не думаю, что это человек) одет был в кожаный доспех, штаны такие же. Башмаки на толстой подошве — смотрятся грозно: большие, жёсткие. А чуть дальше лежат копыя. Ни фи́га не копыя — это дротики! Такие дротики я видел в ущелье на месте побоища.

— Да что ж вы за племя? — испуганно взбеленился я. — Ладно, никто не слышит мой внутренний голос. Какие-то несуразные.

Он, по всей видимости, убитый или без сознания. Вижу отсюда его копну волос цвета спелой пшеницы — до плеч. Лицо чуть повёрнуто ко мне, и мне показалось, что у него три глаза. Я проморгался. Точно — три.

Рядом, возле правой руки, — широкий тесак, чуть загнутый кверху.

Прямо перед «медведем» (так его буду называть) стоял, согнувшись и держась за левый бок, ещё один тип, ростом под два метра. Теперь разглядел рожу. Те же соломенные волосы: чёлка короткая, а волосы до плеч. Плечи — ну, метр двадцать сантиметров, не меньше. Тело резко сужается книзу. Таз узкий, ноги мощные. Руки с буграми мышц, ладони больше человеческих раза в два. Глаза посажены близко. Выше — третий глаз, недоразвитый, не открытый. Нос короткий, мясистый и широкий, картошкой. На вид большой, но видно, что это пацан, как и я. Не знаю, как я понял.

Подпоясан широким чёрным ремнём — видно зелёные вставки, похожи на изумруды. Как гранёные карандаши. Кожа... Пригляделся — медная?

В руке у него был топор: лезвие очень широкое, но древко короткое. Держась за левый бок, он тяжело дышал и смотрел на зверя обречённым взглядом. Я понял: он приготовился умирать.

— Да бааалин... Да не могу я так.

Третий, их товарищ, стоял поодаль — метров на тридцать дальше, ближе к реке — и швырял ловко булыжники в зверя. Те особо не причиняли ему беспокойства.

— Эта тварь из жёлтого тумана. Магическая.

Зверина задрала морду вверх и издала ужасающий звук: «У-у-у».

— Ну, бля, и страшилище, — прошептал я.

Мой живот предательски подал голос.

— Тсссс, заткнись.

— Так вот он и есть из этих «У-у-у», — сообразил я и вспотел. «Медведь» зовёт таких же? Время пошло на секунды.

Медведь стоял спиной ко мне, до него метров пятнадцать. Ну, хрен ли делать... Я забыл, что сам пацан, крикнул, тряхнул головой и встал. (Не у меня, а я встал.) Тронул кинжал на левом боку и решился.

— Лишь бы «меднокожие» трёхглазки против меня не дружили.

На полусогнутых ногах, пружиня шаг, я двинулся к зверюге. Щит в левой руке закрыл голову и туловище; подглядывая справа от щита, меч сжал до боли в руке.

— Сука! Я ж не взрослый! — (подумал я поздно). — Лан, в прошлой жизни я был неплохой рукопашник и охотник. Тело хоть и не моё, но навыки есть. Есть, сука!

«Медведь» снова заревел и кинулся на раненого. Под шум его рёва я в три прыжка сократил расстояние, пригнулся и, сзади проскользнув ужом между лапой и туловищем, присел и сунул ему в подмышку остриё меча.

Медведь резко остановил атаку, секунду замер — и (откуда у медведя такая прыть?!) — развернулся в следующую секунду, нанося по мне удар левой лапой.

Для меня время остановилось: секунды удлиннились и растянулись в протяжный ультразвист. Успел увидеть когти — как кинжалы. Морду, клыки — как у оборотня из фильмов; шерсть взъерошена, густая. С клыков капает розовая пена; глаза почему-то не красные — чёрные. Оскал. Этот оскал здорового волка в теле медведя. Удлиненные секунды уплывают.

При его развороте мой меч позорно выскользнул из его раны: видно, силёнок не хватило пробить, достать до сердца.

В последнее мгновение я чуть ниже присел, держа щит выше. Щит вылетел из моей руки в виде брызг щепок; я взглядом успел проводить остатки щита куда-то вбок — и показалось,

что рука летит с ним, держась за щит. В то же мгновение мой плечевой сустав покинул своё место. Резко затошнило меня.

Я успел...

Кувыркнувшись ему под ноги через правое плечо и встать на правое колено. Левая рука повисла плетью.

Медведь замедлился — видно, всё-таки достал я его. Стоя на колене между ног зверя, быстро правой рукой вытащил кинжал с левой стороны пояса и вогнал ему промеж ног.

Медведь так заорал, что я чуть не оглох.

— Бля, чё так сильно орёшь-то? — промямлил я, заваливаясь, и провалился в темноту.

Конец 4-й главы.

Глава 5. Знакомство.

Где-то капал дождь.

А потом реальность треснула, как старое стекло, и вместо дождя я почувствовал жёсткую полку, стук колёс и запах дешёвого табака и пота.

Во рту кошки насрали. Я еду в поезде, в жёстком вагоне. Это типа плацкарт, только без матраса. Шумит, стучит, чердак раскалывается. Вспомнил: меня везут в Севастополь. Сегодня 22 мая 1992 года, помню, призвали. Вчера поругались с подполковником на сборном пункте. Мы за два дня до этого, с ребятами из нашего района, пьяные, с рюкзаками и с гитарой сели в ПАЗик. В то ещё время «проводжали» в армию, а тем более на ФЛОТ! Всем миром. Собирались все соседи, складывались на «провода», плакали, смеялись и гордились. Помню. На душе плохо. Не доучился.

Очнулся. Где я?

— Вумер дыр кана!

— Слышь?.. Ты китаец? Куда мы едем? — тихо задал я вопрос к спине идущему впереди.

— Уркен хил, эвен кавер ко!!!!

Ничего не понимаю: где я и кто со мной говорит. Я понял, что меня несут на носилках, но куда? Провал!

Проснулся я в комнате, дощатой. Свет щемится через щели. Слабость, левая сторона онемела, спину отлежал — повернуться бы. Я вспомнил всё. Только не понял, кто со мной говорил, по-тюркски что ли? Или приснилось? Да откуда здесь татары? Попить бы, и помаленькому сходить... Блин, слабость-то какая. Руку поднял, чтоб лицо обтереть: потом ест глаза, мандражит. Как я в ущелье-то говорил с памятью этого тела? Я ж понимал язык! Там про монеты, магию и граммы...

— Ты базарил сам с собой! — пень, — раздался голос в голове.

— Понял, я ещё не выздоровел, — ответил я в потолок и повернулся к стенке.

Скрипнула калитка в моё (тюрьму или лечебницу?) жилище. Кто-то зашёл, что-то двинул к моей лежанке, но тихонько, пытаюсь не шуметь. Сделал вид, что сплю, но уши насторожил. Этот «кто-то» присел возле меня.

— Наверное, стул двигал, — догадался я. Сидит, молчит. Неловко как-то мне. Ветерок через щели «моего» жилища принёс запах от моего «гостя». Феромон ударил мне в нос (моё юное тельце напряглось), и запах, похожий на сирень — женщина!!! — безразлично подумал я и повернулся на живот.

— Гормоны от пацана достались! — радостно-зло подумал я.

Гостя чем-то занималась, потом что-то мурлыкать начала себе под нос. Мочевой пузырь меня звал поговорить, терпения нет, тут она ещё расселась. Я повернулся на левый бок в её сторону.

— Курилé? — произнесла она красивым голосом.

— Нет, спасибо, я не курю, — отрицательно мотнув головой, я зачем-то похлопал себя по правой ляжке (типа по карману) и развёл руку в сторону (типа нет сигарет, не курю). Почему одну руку? На левой я лежал.

На меня смотрели три глаза. В этот раз — три полноценных глаза. Который был на лбу, он был меньше и не безобразил лицо. Мужчины у них большие, ладони огромные, цвет кожи тёмной меди, а вот женщины другие, такие как и наши. Кожа у них светлой меди, как будто загар. Левый глаз смотрел на меня с участием, правый — с тревогой, ну а верхний... Сука!!! Подмигивал.

— Ааа!!! — хотел орать я, но утопил эмоции. Я просто стал смотреть на её нос, фиг знает, чё делать. В мыслях пронеслось: «Как три глаза живут разными жизнями?»

Она приподнялась со стула. Я аккуратно скосил левый глаз пониже — думаю, незаметно.

— Батюшки! — увидел её ножки с цветом загара, с медным отливом. (Моя хижина вся просвечивалась, так что настырным лучам местного светила не было проблем нас атаковать.) Луч света лизнул её по ногам, кожа блеснула на миг.

И я... я повернулся на живот.

— Извини, — промолвил я. — Рана свербит, так, чуть полежу.

«Красивая кожа», — подумал завистливо я, — «мне б такую».

Девушка участливо склонилась надо мной (снова живот предательски заурчал).

— Блин, блин, блин! Лишь бы не пернуть! — нечаянно сказал вслух.

— Я застонал, — на всякий случай. (Всё до кучи: и по-маленькому хочется, и клапан нижний просит срочно выпустить джинна.)

Я резко, рывком поднялся с лежбища (с надеждой, что лежанка скрипнет) — подвела. Мы встали почти равномерно! Я про звук. Короче, доски лежанки моей скрипнули раньше на полсекунды, потом я пернул.

— Курилé? — задала вопрос девушка.

— Может, пойдём на воздух? — галантно пригласил я и правой рукой указал на дверь.

Девушка глянула на меня правым глазом, а левым — на дверь, а верхний глядел с вопросом и с отвлечением. Слава богу, запаха не было. Я не ел долго.

Но завис важный вопрос: что с моим новым телом? Живот крутит, постоянно пучит — что не так? Я ел только грибы и вяленое мясо. Ну и пиво в начале, да. В прошлой жизни всё жрал подряд — и ничего.

Два вывода напрашиваются, и оба мне не нравятся: первый — я пердун, то есть болею; второй — я пердун, но магический. Конечно, звучит бредово, но магические миры разные, всяко. Читал кучу книг про попаданцев — везде магию описывают по-разному. Вдруг я в мире, где магия работает по другому пути? Допустим, заклинания произносят через рот словами? Ммм... То есть можно и через нос заклисть, и через любое отверстие.

— Дааа, напридумывал себе отмазку, — размышляя о горестном, я встал и протопал за лежанку (заметил прошлый раз занавес, подумал — туалет).

В голове роилась куча вопросов, так что я аж подзавис. С тугим журчанием я наполовину наполнил какую-то ёмкость, вернулся на лежанку, сел.

— Короче, решать проблемы будем частями! — рассуждал я про себя. — Сначала обживаемся тут, а потом подумаем, как лечить пердёж, — провозгласил я своё решение (вслух) и посмотрел на девушку.

— Курилé? Ент фукилу, хорэ, тор баим! — что-то сказала она.

Девушка стояла возле стула, смотрела на меня с непониманием и с немым вопросом. Я понял, что она не унюхала, и понял, что услышала.

Я только что догадался, что я раздет. Сдёрнул толстую волчью шкуру с лежанки, укрыл стыд. А «стыд» офигел! Позорит меня.

— Ох ты ж! — вот я задумался. — Я ж по-маленькому при ней ходил — как в глаза-то смотреть? Тем более в верхний — он самый злой.

Девушка не дождалась моего ответа. Верхний глаз бесился по полной, левый укатывался, громко хлопая ресницами, словно ставней. (Да чего ждатель-то? Я тарабарщину не понимаю. Единственное, понял — «про фукилу», наверное, что-то про пук. Да и «куриле» пока непонятно, что это.)

Она стала раскладывать какие-то вещи по немногим полкам. Я за это время огляделся и нашёл «своё». Ну, как своё — моих вещей не было. Чуть правее от моей лежанки, в ногах, стояло типа тумбы: на ней аккуратно сложена стопка не моей одежды. (Лежанка из досок на деревянных ногах, шириной метра три, в длину — четыре.)

Кстати, о лежанках. Здоровенная кровать для великанов. Ну а чё? Они для себя делали.

Матрас сшит не из ткани, а из отделанной кожи. Внутри матраса — отдельная тема: узнаю — расскажу. Подушек нет: обычно чисто выделанные шкуры овец стягивают в рулон и подкладывают под голову. Укрываются шкурами, сшитыми между собой.

Одежду надел легко. Верх — лёгкая рубаха, полотняная, цветом ближе к коричневому, светло-коричневая. Такие же и штаны, но их нужно подвязать. Девушка повернулась, когда я был уже одет. В первый раз услышал её «хихи». (Штаны были мне большие, и я их скрутил.) Обувь — простые шлёпки, серые. Из травы, что ли? Да фиг знает.

— Курилé?

— Да-да, курилé и фукиле, — ляпнул я.

— Эми, — утвердительно сказала она.

Ну, Эми так Эми. Сел на кровать. Девушка ушла. Я прилёт.

Через время пришли две: та же девушка и старуха. Пока они ходят и посудой гремят, опишу, что тут, пока женщины склонились над столом. Они изредка оглядывались на меня, ходили к полкам, что-то из склянок брали.

Потом девушка зажгла огонь в очаге. Я не заметил его раньше. Очаг был в правом дальнем углу, сложен из булыжников, и, что странно, труба — через крышу! Не по-чёрному. «Значит, я не в дремучем веке», — обрадовался я. Над очагом висел здоровенный котёл.

Дом выглядел временным, нежилым, типа больнички.

Девушка с красивыми ногами (и это моё сугубо мнение) и с медным отливом смотрится шикарно для своего роста. Рост бы я определил где-то... мм... небольшой — 1 метр 60 сантиметров. На вид девушке лет семнадцать. Женщины тут намного ниже ростом, чем мужчины.

Странно — волосы! Сколько я видел из их народа (а видел трёх «малолеток» при участии в умерщвлении медведя): один валялся, другой был раненый, третий вообще трус — камнями кидался. Ладно, я, блин, и правда крут. Только никто не платит, то есть не знает.

Ну, вернёмся к своим баранам.

Волосы цвета чистой меди! Я не знаю, укладка или что, — вряд ли: волосы такие от природы. Они как бархатом обняли её плечи и успокоились, чуть покачиваясь от лёгкого движения, поворота головы.

Платье... Да, она не в шкурах. Не знаю, как называется материал, но уверен, что это ткань. В своём мире не видел такого материала — не могу сравнить. Ничего дорогого в ткани не вижу, но смотрится здорово. Цветом — сиреневым, рукава по локоть, с завязками.

Приталенное, и подол чуть ниже колен. Ремешок кожаный на талии — синий. Вырез спереди: видны два полушария.

«Два», — спокойно отнёсся к этому факту.

— Э-э-э, хорош на ноги глядеть! На лицо глянь пока, — сказала мне внутреннее предупреждение.

Ну ладно, лишь бы груди не... Как их глаза, жили своей жизнью. Лицо не как у их мужчин — оно очеловечено. Нет грушевидности. Нос не мясистый, маленький, аккуратный. В общем, баба как баба, только на лбу хитрый глаз.

Вот старуха — в штанах зелёных, но коротких, чуть ниже колена. Вижу её икры, цветом ржавого железа. Не вижу пока лица. На ногах тапки... Хм, зелёные, но кожаные. Сверху — простой балахон серый, вижу бусы.

Повернулась ко мне. Тот же овал лица, женский. Волосы редкие, соломенные, но как бы прибиты к черепу, обволакивают. Верхний глаз шарит по мне, левый глаз в прострации, меланхолит. Правый смотрит мне в пах. Зачем?!

Старуха подошла ко мне, девушка чуть сзади — по правую руку. В руках у неё тарелка с чем-то. Девушка в руках держала белую ткань.

— Курилé? — старуха проквкала.

— Достали, да! Раньше — курилé, и что?! — гавкнул ей в лицо.

— Були хон, — и подняла свой скрюченный палец.

Я не двигаюсь, но на всякий случай держу план: допустим, старуха ткнёт меня пальцем — сделаю блок и пну её в живот, а если...

Размышление прервали. Девушка подошла к старухе, промочила тщательно тряпицу в тарелке, отжала, распрямила и разложила на своей ладони. Положив другую руку мне на грудь (типа чтобы я не дёргался) и другой рукой с тканью прижала мне к лицу.

Я хотел увернуться, но куда там: сила у неё была ого-го (ладонь с тряпкой накрыла моё лицо) и не давала пошевелиться.

Последнее, что помню: все шесть глаз смотрели на меня.

«Всё-таки отравили», — подумал я напоследок. — «Но зачем чистую одежду дали? Да какая уже разница... Ритуал, наверное, такой».

И я шагнул в темноту.

Конец 5-й главы.